

Оглавление¹

Подсекция «Английское языкознание»

<i>Галина Е.В.</i> The morphology of discourse through the prism of a fairy tale and a love story.....	306
<i>Демина И.А.</i> Translation of Japanese haiku. Compensation for foreignness.....	307
<i>Есенкова Е.В.</i> Концепт «challenge» как один из ключевых концептов американской культуры.....	308
<i>Клименова Ю.И.</i> The cognitive-discursive analysis of metaphorical models in the English-language press.....	311
<i>Лебедева Т.О.</i> Проблема словесного ударения в американском варианте английского языка с точки зрения современной прагмафонетики.....	313
<i>Макарова Т.В.</i> Словарный состав проповеди как религиозного дискурса.....	316
<i>Миронец Е.С.</i> Изменение эмотивного компонента политических ценностей на примере инаугурационных речей президентов США.....	317
<i>Полько Н.Г.</i> Роль фразеологизмов с цветокомпонентом в языковой картине мира.....	320
<i>Празян Н.О.</i> Прагматический аспект использования иронии в британском и американском политическом дискурсе.....	322
<i>Рабкина Н.В.</i> Метафорические модели войны в англоязычном поэтическом и политическом видах дискурса.....	325
<i>Рямова Г.М.</i> Виды эвфемизмов в английском общественно-политических текстах.....	328
<i>Скuryгина Е.В.</i> «Пастуший календарь» Э. Спенсера в контексте эпохи.....	330
<i>Степанова М.И.</i> Когезия и когерентность в британском медиадискурсе.....	333
<i>Украинец М.А.</i> Социально-психологический вертикальный контекст романа Г.Х.Манро (Саки) «The Unbearable Bassington».....	335
<i>Хуринов В.В.</i> К вопросу о внутренней неоднородности газетно-публицистического стиля.....	337

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

АНГЛИЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

The morphology of discourse through the prism of a fairy tale and a love story

Галина Елена Валерьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

The morphology of discourse here is meant to be applied to the analysis of content plane and its structuring in a love story. By discourse we understand the text production aimed at immediate response from the addressee: be it a fairy tale or a love story. The approach elaborated by V. Propp is adopted as a methodology of research.

Fairy tales have been our friends since childhood but unfortunately not all of us can answer the question: What is a fairy tale? Is it true or false? Reality or fiction? According to encyclopedias, a fairy tale is a literary genre, an epic story with adventures, magical beings; sometimes a fairy tale describes ordinary, everyday situations but it may have more often than not a highly improbable account. Russian popular saying proves this improbability in the best possible way: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Thereof it can be concluded that «добры молодцы» don't believe in fairy tales but fairy tales can be useful for them because they can learn a lot from these untrue stories, «красны девицы» on the contrary do believe in these false and improbable tales like they sincerely believe in love stories. So, what if we compare a fairy tale and a love story? To our great surprise they will have very much in common as far as “morphology of discourse” is concerned.

The central characters of love stories look like a knight in shining armour, the main female characters are beautiful princesses. Of course, there are bad guys and well-wishers, and a lot of other unreal and incredible things.

In order to provoke further discussions and not to sound proofless we'll analyze Helen Fielding's novel “Bridget Jones's Diary” (published in 1996) in which an ordinary Englishwoman on the shady side of thirty who has a lot of problems in her private life still hopes to meet a man of her dream. To make the arguments more well-grounded we'll use the classification worked out by Vladimir Propp in his “Morphology of the Folktale” and “The Historical Roots of the Fairy Tale”.

A love story is analogous to a fairy tale and along many lines ideally answers Propp's classification. However, differences should be mentioned too: 1) inobservance of functions' order in a love story and 2) existence of magic and witchery in a fairy tale. In other respects in the morphology they are practically the same.

Литература

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998.

Пропп В.Я. Русская сказка: Курс лекций. М., 2005.

- Протт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2004.
Большая книга русских народных сказок М., 2005.
Русские народные сказки. Из собрания А.Н. Афанасьева. М., 2007
Fielding H. Bridget Johns's Diary. Penguin, 1999.

Translation of Japanese haiku. Compensation for foreigners

Демина Ирина Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

This research deals with the peculiar subject of translatability of literary works taken from a non-native Source Language. And speaking even broader – from non-native Source Culture. The principle question is to what extent literary work is a product of concrete culture. And if it is taken out of this culture, as a plant from its fertile soil, is it possible to transport it to another soil–culture? Will it strike roots, speaking metaphorically? What is the role of a mediator in this process: is translator a mere “transporter” or a creative co-author? What is translation if we speak about cultural products with different world views? Is it, in fact, possible to translate literal work taken out from its cultural background? And if yes – how can a translator fill the cultural gap and compensate for foreignness?

These are questions that I faced when started studying medieval Oriental poetry and which eventually led to this work. Moreover, deeper the investigation and interest were, more questions appeared. A paradox. Speaking briefly, a literal work is always a product of concrete culture. It means that the cultural work doesn't exist in vacuum, it even doesn't exist by itself. It absorbs all the cultural, historical, literal e t c background, and presents a UNIT with its unique “cultural flavor”.

We are going to discuss potential ways how to prepare the audience for a particular translation and, perhaps, compensate for the foreignness of the original work. The issue of foreignisation vs acculturation may prove important, but whether it is the responsibility of the translator to adapt the text to the target audience or whether the target audience should be responsible for acquiring the background knowledge necessary for the proper appreciation of the particular work.

This is also a question of different levels of understanding that readers can achieve: from the basic knowledge of word meanings to the more advanced cultural/historical/linguistic background, – and how these different levels of understanding apply to the issue of translation. Haiku is a challenging example to work with, because it's a genre of a strictly regulated form, but at the same time it is more about philosophy and spirit. So we face conflict of content and form, as well, where translator has to find a compromise.

Moreover, haiku is a poetical genre, and according to Jakobson, poetry is meta-language. Disregarding discussions of translatability of poetry in general, we'll see problems that translator of the "metalanguage" of haiku inevitably faces.

I call to play over with translation, to use intersemiotic translation, if we apply Jakobson's division of translation into three types, to experiment with genres, forms, even with content, to focus on associative nature of Oriental poetry, rather than on its factual information.

Translation is always a compromise, if we admit that it is possible at all. It is a compromise between form and content, author's intention and aesthetics, "word by word" translation and "meaning by meaning", acculturation and foreignisation. Each translator is free to make his own decisions. But for me translation from Oriental poetry into Western one is more adaptation and transposition, than translation in terms of equivalence.

Концепт «challenge» как один из ключевых концептов американской культуры

Есенкова Евгения Владимировна

Студентка Белгородского государственного университета, Белгород

Конкретные и абстрактные представления человека об окружающем мире, система отношений и оценок закрепляются в языке и принимают участие в конструировании языковой картины мира. Уже давно язык понимается не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации.

Языковая картина мира формирует концептуальную и соответственно предшествует ей. Концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая. Это феномен более сложный. Ведь не вся концептуальная информация имеет языковую «привязку» к языку.

Социальный опыт человека накладывает определенный отпечаток на язык. Описывая одни и те же объекты, носители разных языков сравнивают их с различными реалиями, имеющими прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям.

При одинаковом наборе универсальных концептов у каждого народа существуют особые, только ему присущие соотношения между этими концептами, что и создает основу национального мировидения и оценки мира.

Еще больше в этом процессе участвуют специфические, этноцентричные концепты. Сейчас наряду с термином «концепт» все больше употребляется понятие «лингвоконцепт». Лингвоконцепты представляют собой единицы обыденного философского (преимущественно этнического) сознания, аксиологически окрашенные, мировоззренчески ориентирован-

ные и предназначенные «быть индикатором основных человеческих смыслов и ценностей» [Карасик: 13]. В узком понимании лингвоконцепты – это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят односложных эквивалентов при переводе на другие языки [Нерознак 1998: 85]. В лингвоконцептах фиксируется шкала ценностей социума. Именно они формируют мировоззрение носителей любой этнокультуры, а их языковое воплощение способно дать ключ к пониманию этнического менталитета [Воркачев: 76].

Овладение лингвоконцептосферой инокультуры – своего рода «высший пилотаж» при изучении иностранного языка.

Предмет нашего научного интереса составляют лингвоспецифичные концепты американской культуры. Для американской языковой модели мира в качестве таких уникальных концептов выступают: challenge, privacy, winner, loser, diversity, superman и многие другие.

Слово «challenge» – один из ключевых концептов американской культуры. Ярким свидетельством тому являются его повышенная частотность употребления и трудность перевода на русский язык. По данным англо-русского словаря В.К. Мюллера challenge – 1. вызов (на состязание, дуэль и т. п.) 2. сложная задача, проблема. Как отмечает Палажченко, перевод «challenge» как «проблема» является стилистически неудачным, «затертым», а как «вызов» – «неуклюжим» [Палажченко: 163], поскольку «challenge» содержит семы, которых нет в русском «вызов». Русское слово «вызов», согласно словарю С.И. Ожегова, означает «выраженное взглядом, словами, поступками и т. д. желание вступить в борьбу, спор», например: *В его словах прозвучал вызов. С вызовом посмотреть на кого-нибудь. Бросить вызов всему обществу.* Английское «challenge» включает такие отсутствующие в значении русского «вызов» смысловые компоненты как «вызов на соревнование в сноровке и силе» (something that needs a lot of skill, energy – Macmillan Dictionary; a call to engage in contest of skill, strength, etc. – The Random House Dictionary), «трудность, которая стимулирует» (a difficulty in an undertaking that is stimulating – The Random House Dictionary).

Как отмечает О.А. Леонтович, концепт «challenge» очень помогает понять американский национальный характер, поскольку в нем отражается смелость, готовность рисковать, чтобы испытать себя, стремление к соперничеству. Недаром, пишет она, именем Challenger в свое время был назван американский космический корабль.

Русскому человеку трудно бывает понять концепт «challenge» в силу того, что нашему менталитету менее свойственны авантюризм и готовность

рисковать. Если для американца трудность пробуждает интерес, азарт, является стимулом, позволяет проявить свои способности, то русский человек делает акцент на тяжести проблемы, ее непреодолимости. Многие исследователи приводят схожие противопоставления между русской и англоязычной культурами. Традиционно англоязычной культуре свойственны агентивность, настроенность на преобразование действительности, энергичность, дух соперничества, оптимизм, в то время как русскоязычной культуре приписываются неагентивность, пассивность, склонность к философствованию, тоске, жалобам на свои проблемы.

Особенно плохо укладывается в русскую концептосферу эвфемистическое употребление слова «challenged» (нетрудоспособный, искалеченный, испытывающий физические и другие проблемы; *physically challenged* – инвалид; *visually challenged* – слепой). Примечательно, что в этом слове отражается готовность бороться с трудностями, бросить вызов судьбе и победить.

Итак, очевидно, что русского эквивалента американскому концепту challenge нет. Но в то же время можно наблюдать интересный процесс – постепенное внедрение данного ценностного концепта в русскую культуру. Все реже можно встретить перевод слова «challenge» как «проблема». Переводчики отдают большее предпочтение таким выражениям как, например, «задача, требующая максимум усилий», которое более полно отражает истинную семантику концепта «challenge». В русском сознании происходит в определенной степени модификация оценочных суждений. Мы понимаем, что жаловаться плохо, нужно бороться с трудностями. Используя слова В.И. Карасика, можно сказать, что произошел «импорт концепта», обладающего «генеративным ценностным потенциалом», то есть способностью «создавать координаты для новой системы ценностей». Если данный концепт, несущий в себе положительный заряд, будет принят русским сознанием, это, на наш взгляд, пойдет только на пользу современному русскому обществу.

Литература

- Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4.
- Карасик В.И. Концепты в функции философских основоположений // Язык. Этнос. Картина мира. Кемерово, 2003.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. Минск, 2004.
- Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998.
- Палажченко П. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М., 2002.

**The cognitive-discursive analysis of metaphorical models
in the English-language press**

Клименова Юлия Игоревна

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

The cognitive-discursive approach to the study of the print media is becoming increasingly influential. “Discourse” is one of the central terms in cognitive linguistics, a coherent text viewed as dependent on and shaped by various extralinguistic factors. Discourse analysis examines how stretches of language are used in their full textual, social and psychological context, what meaning they possess. Moreover, discourse has to do with mentality and ideology; it is speech or writing seen from the point of view of the beliefs, values and categories which it embodies.

Since cognitive science concerns itself with the problems of information storing, processing, retrieval and “packaging” [Александрова], the cognitive-discursive approach to mass media texts is aimed at analysing the linguistic ways of presenting information, introducing attitudes and cognitive stereotypes [Ксензенко, Менджеричкая: 9]. These texts are believed to perform the communicative-cognitive function [Кубрякова, Цурикова]. The communicative aspect comes to the fore when we consider the orientation toward the mass addressee, the cognitive one is relevant in connection with the conceptualization and categorization of reality.

Nowadays metaphor occupies a prominent place in cognitive studies. Metaphor is traditionally defined as “a trope which consists in the use of words (word-combinations) in transferred meanings by way of similarity or analogy” [Задорнова: 11]. However, it has been proved to be more than a poet's tool. It is pervasive in our language. Given the importance of language among our mental faculties, some scholars maintain that metaphor is the key element of reasoning and thinking in general.

When dealing with media texts, metaphor researchers focus on conceptual metaphors – systematic sets of correspondences that exist between constituent elements of the source and the target domain, rooted in the linguistic and cultural tradition of a given speech community. Evidence for their existence is inferred from linguistic metaphors as the surface manifestations of conceptual mappings. Metaphors are mostly organized in systems of models, and studied in sets, not in isolation. It is conventional, not novel metaphors that are of primary importance, since they give valuable insight into the way people structure their experience.

Cognitive linguistics treats metaphor as the central mental operation, a cognitive instrument, as a means of categorizing our knowledge about the world. Metaphors have been said to reflect and shape human perception and communication. In newspaper language linguistic units most fully realize their metaphorical potential.

The language of the press is characterized by the interplay of standard, clichéd forms and expressive ones. Novel creative metaphors, which are few and far between, make for expressivity, whereas conventional metaphors structure the content and “package” it in the most economical way. Different newspaper sections (e.g. business, politics) tend to be associated with a certain repertoire of metaphorical models.

Feature articles and news reports on economic and political issues are part and parcel of professional discourse and, consequently, not easy to grasp because of specialized subject-matter, that is why journalists often resort to metaphors as a means of making the text more vivid and accessible to the readership. The knowledge of the source domain helps non-experts to understand the complicated target domain.

At present there is a growing awareness of the fact that practitioners in the field of applied linguistics can benefit from the theory of metaphor elaborated within the cognitive framework. To tap the pedagogical potential of metaphor the teacher needs to introduce this notion explicitly and help L2 learners to develop strategies for comprehending and creating metaphors.

In an ESP classroom metaphors are seen as tools that facilitate text comprehension. An enhanced metaphorical awareness on the part of the learners can be beneficial to their understanding of some specialized subject. Among the main functions fulfilled by metaphors one should name the cognitive, the communicative (framing the message and passing it across in the most succinct efficient way), the schematizing (making sense of the relations between various extralinguistic phenomena), the popularizing one (explaining complex things in plain words) [Чудинов].

The print media are of practical significance for foreign learners of ESP. Quality press provides access to the most up-to-date information from different professional areas and to real usage. Metaphors are invaluable in this respect, since by studying conventional metaphors and metaphor-based idioms one can build up relevant vocabulary.

The target language should be approximated by ESP students both conceptually and linguistically [Назарова: 113]. The mastery of conceptual metaphors and their linguistic realizations serves both ends: on the one hand, when reading quality newspapers learners retrieve information and *decode* the message by resorting to their knowledge of source domains, while on the other hand, they memorize linguistic metaphors to *encode* their own message. Thus, receptive and productive skills are equally improved.

Research carried out by ESP instructors has shown that students recall more lexical items if the teacher raises their awareness of conceptual metaphors and demonstrates that an important relationship holds between concepts and the conven-

tional phraseology with which they are realized [Herrera, White]. As a result, students learn to identify, assimilate and use metaphorical expressions.

In conclusion, the cognitive-discursive approach allows us to analyse metaphorical models as a means of conceptualizing and verbalizing fragments of reality represented in different newspaper sections and to help L2 students to master them.

Литература

- Александрова О.В.* Общие и частные проблемы филологии и когнитивной лингвистики // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 40–46.
- Задорнова В.Я.* Стилистика английского языка. Методические указания. М., 1986.
- Ксензенко О.А., Менджеричка Е.О.* Mass Media Language. М., 2005.
- Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2. М., 2004.
- Назарова Т.Б.* Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. М., 2004.
- Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
- Herrera H., White M.* Cognitive linguistics and the language learning process: a case from economics // Estudios Ingleses de la Universidad Complutense. 2000. № 8. С. 55–78.

Проблема словесного ударения в американском варианте английского языка с точки зрения современной прагмафонетики

Лебедева Татьяна Олеговна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Словесное ударение – явление сверхсегментного ряда, способствующее достижению максимальной выразительности в речи. С его помощью – путем внезапного изменения мелодической кривой, сопровождающегося увеличением интенсивности и длительности – выделяется определенный элемент высказывания в речевом потоке [Decheva: 94]. Для обозначения этого явления американским фонетистом Дуайтом Болинджером был введен термин “accent”, что позволило различать stress (слоговое ударение) и accent (словесное ударение). При этом термин stress (слоговое ударение) используется в тех случаях, «когда речь идет о различных уровнях выделенности слога в слове, которые обозначены в наиболее авторитетных словарях». Что касается термина accent (словесное ударение), то его значение, согласно автору, «выходит за рамки отдельных слогов и принадлежит к царству слов» [Bolinger: 84].

Повсеместное общение на английском языке между представителями не-англоязычных народов намного превышает общение с теми, для кого английский язык является родным [Crystal: 60]. В результате, появ-

ляется все большее количество учебных курсов и пособий, затрагивающих его фонетические особенности и, в частности, словесное ударение. В пределах каждого из основных диалектических вариантов существуют свои разработки в этой области. Казалось бы, при таком обилии учебных материалов у изучающих английский язык не должно возникать проблем при освоении феномена словесного ударения. И все же реальное положение дел оказывается далеко не таким простым.

Причиной обращения к пособиям по фонетике американского варианта английского языка, стала необходимость проведения тщательного анализа того, что мы можем с полным основанием называть готовыми прагмафонетическими материалами, т. е. материалами и упражнениями, специально сделанными для того, чтобы моделировать то или иное явление звучащей английской речи и с максимальной эффективностью показать его функционирование в реальности звукового общения [Maguidova: 35].

Уже самое первое знакомство с существующей учебной литературой позволяет утверждать, что степень разработанности различных аспектов американской фонетики в этих пособиях далеко не одинакова. Особенно это заметно в случае словесного ударения, которому уделяется настолько мало внимания, что в некоторых пособиях вся проблема сводится к «нарушению» правил ударения. В некоторых случаях один и тот же термин («stress») употребляется для обозначения таких явлений, как слоговое ударение, фразовое ударение (ритмическое выделение знаменательных частей речи объясняется с помощью понятий «important» (!) или «stressed words») и словесное ударение (иллюстрация которого сводится исключительно к случаям эмфатически-контрастного употребления) [Childs: 37–42].

В фонетическом курсе Дж.Б. Гилберт, представляющем собой сопровождаемое аудиоматериалами учебное пособие, ориентированное на студентов, только начинающих изучать английский язык, предпринимается попытка дать предварительное и максимально упрощенное объяснение словесному ударению (упрощенное, поскольку учебник рассчитан на студентов, обладающих лишь базовыми знаниями в области английского языка). Дж.Б. Гилберт отталкивается от понятия «самое важное слово» (the most important word) и указывает, что тон на ударном слоге «важного слова» может как подниматься, так и опускаться, не давая, однако, никаких указаний относительно того, в каких же все-таки случаях нужно прибегать к понижению, а в каких – к подъему тона.

Говоря о содержательном аспекте рассматриваемого явления, Дж.Б. Гилберт указывает минимальное количество самых простых и общих функций словесного ударения:

Самое важное слово предложения

Несогласие

Переспрос, недопонимание

Исправление ошибки

Очевидно, обращая особое внимание на содержательный аспект словесного ударения, названный автор придерживается мнения, что план выражения интересующего нас фонетического явления не должен вызывать никаких затруднений. Однако проведенный нами аудиторский и инструментальный анализ предлагаемых в пособии примеров показал, что, несмотря на кажущуюся простоту феномена словесного ударения и одновременно упрощенность подхода к нему, сложности вполне могут возникнуть. В частности, для иллюстрации правила о «самом важном» слове используется ряд примеров, которые оказываются достаточно простыми и не допускающими иной трактовки, т. е. в них, хотя и в минимальной степени, обозначен контекст, исключающий такую возможность. Рядом с каждым примером приводятся графические схемы движения тона, которым должно соответствовать чтение дикторов, начитывающих материал. Однако наш анализ ясно показал, что между тем, что изображено графически, и реальной звуковой картиной нередко обнаруживаются значительные различия.

Текст примера

- What's the matter?

- I lost my glasses.

Записанный материал

- What's the matter?

- I lost my glasses.

В первом случае словесным ударением оказались выделены два слова («lost» и «glasses»), а не одно («glasses»), как это было указано в учебном пособии. Это в дальнейшем подтвердил и инструментальный анализ: подъем тона на обоих словах практически одинаков [Gilbert: 42–50].

Как бы выгодно не отличались другие пособия от названных выше, в них, как правило, указываются только те функции словесного ударения, которые являются вполне очевидными и многочисленное повторение которых и привело к тому, что интересующее нас явление никогда не воспринималось как нечто требующее внимательного изучения. Кроме того, в большинстве проанализированных пособий были обнаружены случаи расхождения между той картиной, которую хотят представить авторы и реальным звучанием.

Проанализированные нами материалы показывают, что при их всеобщности и разнообразии учебные пособия по фонетике английского языка,

к сожалению, не могут в полной мере служить руководством при овладении таким непростым языковым явлением как словесное ударение, а приведенный анализ демонстрирует необходимость разработки нового подхода, который учитывал бы коммуникативные потребности и тех, кто только начинает изучать английский язык, и тех, кто обладает более высоким уровнем знаний.

Литература

- Bolinger D.L.* Contrastive Accent and Contrastive Stress // *Language*. Baltimore (Md): Publications of the Linguistic Society of America, 1961. Vol. 37. № 1. P. 83–97.
Childs Ch. Improve Your American English Accent. New York, 2004. P. 37–42.
Crystal D. English as a Global Language, Cambridge University Press, 2nd ed. 2003. P. 53–61.
Decheva S.V. Cognitive Syllabics // *Folia Anglistica*. Moscow, 1997. № 2. P. 89–107.
Gilbert J.B. Clear Speech From The Start. Cambridge University Press, 2001. P. 42–50.
Maguidova I.M. Beginning to Begin to Understand the Subject of Pragmalinguistic Modelling // *New Developments in Modern Aglistics*. M., 1996. P. 34–37

Словарный состав проповеди как религиозного дискурса

Макарова Татьяна Владимировна

Студент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Проповедь – один из древнейших видов публичной речи, который существует по сей день и обладает самой устойчивой традицией – канон. На русской почве же гомилетика (церковное красноречие) всегда было ведущим видом речи [Рождественский: 151].

Даже в тех конфессиях, где проповедь не является основным компонентом богослужения, ей все же уделяется достаточное внимание, ведь с проповеди и начинается религиозная *коммуникация*. Проповедь как часть богослужения нередко называют *Sacramentum Audible* – слышимое таинство.

При этом, проповедь в РПЦЗ (Русской Православной Церкви За Границей) представляет собой интереснейший феномен. С одной стороны, она продолжает традицию проповеди в России, которая практически прервалась в XX столетии. Но с другой стороны (учитывая, что 1/3 приходов РПЦЗ полностью англоязычны), мы можем наблюдать начало совершенно новой традиции – социокультурный контекст православия переносится на исторически чуждую ему западноевропейскую почву.

Этот феномен интереснее всего наблюдать на уровне словаря (vocabulary), т. к. там он проявляется ярче всего.

Словарь проповеди в РПЦЗ можно разделить на несколько слоев:

1. Слова англосаксонского происхождения в устаревшей форме (*brethren*)

2. Слова латинского происхождения (заимствования из католической традиции – *matins, vespers*)
3. Слова греческого происхождения (*Troparion, Kontakion*).
4. Слова, представляющие собой кальки с русских (*Tsar, Trebnic, The Ustav*)

Как мы видим, словарный состав проповеди в РПЦЗ неоднороден. Это свидетельствует о своего рода демократизации религиозного дискурса в XX–XXI вв. (вспомним, с каким трепетом относились к словам Писания, его грамматике и лексике книжники Средневековья – Максим Грек был осуждён на тюремное заключение за то, что заменил в переводе Писания аорист перфектом [Мечковская: 250]). С другой стороны, такая пестрота словаря может объясняться не столько демократизацией богослужебного языка, сколько положением церковно-ораторской речи/литературы в системе жанров православной книжности: церковно-ораторская проза относится здесь к конфессиональной литературе [Мечковская: 227], т. е. находится на стыке конфессиональных и светских жанров.

Проведённый анализ материала позволяет сделать вывод, что в данном случае мы имеем дело не с универсальной православной проповедью, а с *англоязычной русской проповедью* – частным случаем русской риторики, т.к. универсальной риторики не существует – риторика основывается на специфическом для данной культуры типе языковой личности и характере речевых отношений [Волков: 5]. Таким образом, англоязычная проповедь РПЦЗ – это англоязычное ответвление древнейшей традиции православной проповеди.

Литература

- Волков А.А. Основы риторики. М., 2003.
Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
Рождественский Ю.В. Теория риторики М., 2006.

Изменение эмотивного компонента политических ценностей на примере инаугурационных речей президентов США

Миронец Евгения Сергеевна

*Старший преподаватель Дальневосточного государственного университета,
Владивосток*

Интерес к изучению политических ценностей не является случайным, так как именно они занимают ключевое место в жизни современного американского общества. В центре нашего исследования лежит выявление эмотивного компонента аксиологических концептов. Основу данных концептов составляет эмотивный компонент, представляющий собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семанти-

зации. Являясь социально обобщенным, он служит для индивидуального выражения эмоциональной оценочности объектов мира [Шаховский].

Обращение к инаугурационным речам позволило в полной мере отразить содержание и развитие политических ценностей на протяжении становления и развития США, так как в них «соединяется осмысление прошлого и будущего нации на фоне настоящего» [Campbell, Jamieson].

Для описания способов вербализации концепта, а также выявления эмотивного компонента мы обратились к комплексному концептуальному анализу, включающему дефиниционный, этимологический, контекстуальный и гештальтный анализы, а также интерпретацию в культурном контексте. Необходимым условием для лингвистического анализа ценностей является опора на ценностную картину мира, в основе которой лежит взаимосвязь оценочных суждений, различная комбинаторика ценностей, ценностных доминант. Особенностью изучения проблемы ценности является ее неразрывная связь с оценкой. Выступая как ценностный аспект значения, оценка является составной частью семантической структуры слова, имеет тесную связь с эмотивным компонентом, реализует оценочное отношение языкового коллектива к соотносительному со словом понятию или предмету.

На протяжении американской истории содержание набор политических ценностей постоянно варьировался. В первую очередь данный вид ценностей ассоциируется с концептом DEMOCRACY, однако несмотря на то, что демократию в США традиционно связывают с первым президентом Джорджем Вашингтоном, слово *democracy* впервые прозвучало в речи только шестого президента Дж.К. Адамса (1825–1829). Отношение к демократии во времена первых президентов можно определить как отношение недоверия (люди боялись единого правительства, которое могло ограничить их свободу), поэтому президенты в инаугурационных речах старались оглашать основные принципы, которыми они собираются руководствоваться в своем управлении страной, не употребляя слова *democracy*.

Эволюция концептуальных признаков в составе политических ценностей отражает образование и становление американской политической идеологии. Буквальное прочтение сочетания *ardent patriotism* в контексте: *...under the administration of a citizen who, by a long course of great actions...conducting a people ...animated with the same ardent patriotism and love of liberty* (J. Adams, 1797–1801) говорит о положительной оценочной семантике концептуального признака *patriotism*. Словарное толкование слова *ardent* – *warm and intense in feeling* подтверждает положительную

коннотацию сочетания *ardent patriotism*. Следует отметить, что концептуальный признак *patriotism* получает дополнительные характеристики, обусловленные тем, как он оценивается с точки зрения принятой в американском обществе идеологии. По мнению президента Дж. Адамса, именно любовь к свободе и патриотизм способны вдохновить людей. Воплощение патриотизма в образе украшения свидетельствует о стремлении американцев к высоким идеалам. Патриотизм, таким образом, представляет собой важное условие существования демократии.

Другая важная составляющая демократического государства – это союз. Функция союза-спасителя имплицитно выводится из следующего контекста: *...the ark of our salvation is union... if there have been projects of partial confederacies to be erected upon the ruins of the Union, they have been scattered to the winds* (J.Q. Adams, 1825–1829). Метафорический образ ковчега несет в себе ценностную составляющую, которая выявляется в результате культурной интерпретации и о которой свидетельствует обращение к библейскому сюжету о Ноевом ковчеге. Таким образом, мы можем говорить, что признаки и метафорические образы, в которых воплощается признак *union* в составе концепта DEMOCRACY, в начале XIX в. являлись частью политических ценностей. Сочетание политических и религиозных ценностей говорит об их взаимодействии и влиянии на развитие демократических идей.

В результате анализа выяснилось, что становление национального самосознания отражается в реализации таких признаков, как *national spirit, intelligence, practical thought, responsibility*. Таким образом, американская нация в инаугурационных речах президентов США предстает как общность образованных, практичных, ответственных людей. Такие концептуальные признаки, как *wise negotiation, political liberty, stainless reputе, law-abiding policy* свидетельствуют о том, что правительство обещает стремиться к рациональному, честному, законному государственному устройству. Президенты часто выступают в качестве третьей силы, примиряющей конфликтующие стороны. Следовательно, выделенные признаки формируют положительную аксиологическую составляющую в содержании концепта. При сравнении выбранной президентом политики и ее интерпретации в культурном контексте можно обнаружить некоторые противоречия. Однако эти противоречия в XIX в. привели к формированию определенных демократических принципов, которым старались следовать и президенты, и простые граждане. Постепенно президенты сформировали и укрепили в сознании людей веру в возможность целесообразного правления, с тем, чтобы, опираясь на демокра-

тические идеалы, американский народ преодолевал трудности, решал серьезные задачи, стремился к процветанию и счастью.

Литература

Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград, 1990.

Campbell K.K., Jamieson K.H. Deeds done in words: presidential rhetoric and the genres of governance. Chicago, 1990.

Роль фразеологизмов с цветокомпонентом в языковой картине мира

Полько Наталья Геннадьевна

Студентка Сибайского института Башкирского государственного университета, Сибай

Представление об окружающем мире и протекающих в нем процессах, об обществе, о самом человеке можно выразить не только словами, но и целостными по значению словосочетаниями, воспроизводимыми в виде готовой речевой единицы – фразеологизмами.

В ходе познания объективной действительности человек стремится создать картину мира, которая получает отображение в языке в виде фразеологизмов.

Следовательно, составляющими фрагмента целостной языковой картины мира являются и фразеологические единицы, что дает нам основание говорить о существовании фразеологической картины мира. Некоторые из них входят в микросистему характеристики признака, присущего предмету как его свойство, т. е. это фразеологические единицы с компонентом цветообозначения.

На сегодняшний день вопрос об отражении лингвокультурного концепта «цветообозначение» во фразеологической картине мира, во фразеологических единицах английского языка в частности остается открытым.

Методом сплошной выборки были исследованы английские фразеологизмы с компонентом цветообозначения и выявлены особенности лингвокультурного осмысления данных единиц.

В качестве центральных проблем, лежащих в основе исследования, является изучение способов языкового выражения культурной информации о цвете, которая обусловлена особенностями природных цветовых сигналов, а также их образов в языковой картине мира. Актуальным оказывается изучение информационного и коммуникативно-прагматического потенциала цветовых обозначений и семантические способы их реализации в языке, что позволит объяснить природу и характер коннотативных смысловых оттенков цветовых номинаций, выяснить семантический механизм переосмысления цветовых значений, который осуществляется под воздействием как языковых, так и лингвистических

факторов. Таким образом, возникает необходимость осуществления комплексного анализа с учетом языковых и социокультурных сведений, связанных с представлениями о цвете в национальной культуре, поскольку особенности семантической структуры цветовых обозначений отражают специфику представлений человека о цветовой гамме.

Изучив фразеологизмы, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения, мы выделили, что самой большой группой в количественном отношении является группа фразеологизмов с компонентом «red» (to get a red face – покраснеть от смущения; see red – обезуметь, прийти в ярость; red in the face – покрасневший, смущенный; red as a beet – красный, как рак; багровый от стыда; to give someone a red face – смутить кого-либо, вогнать в краску).

Скорее всего, это обусловлено тем, что красный цвет – это цвет жизни, опасности, импульса, эмоций, любви, радости. Одно из значений красного цвета связано, с одной стороны, с чисто физиологической реакцией организма (из-за стыда или смущения), а с другой – с психологическим признаком, ассоциирующимся с чем-то недостойным, неприличным, безнравственным.

Для английского языка характерно традиционное соотнесение чёрного цвета с чем-то плохим, мрачным, безотрадным или тяжелым. Поэтому фразеологизмы с цветокомпонентом «black» обычно выражают уныние и мрачность (black as thunder – мрачнее тучи; to look black – выглядеть мрачным, хмуриться; black as ink – мрачный, безрадостный; black dog – тоска зеленая, дурное настроение, уныние).

Синий цвет изначально символизирует бесконечность, вечность и истину, чистоту, преданность. Более поздней является идиоматическая связь с меланхолией. В английском языке много фразеологизмов со значением плохого настроения, тоски, грусти, в состав которых входит компонент цвета «blue» (to be in the blues – хандрить, быть в плохом настроении; blue devils – мрачное уныние; to give somebody blue – наводить тоску на кого-либо; dark blue, navy blue – унылый, подавленный).

Наряду со значением тоски и грусти, синий цвет может означать испуг и взволнованность (blue funk – испуг, паника; blue fear – жуткий страх, испуг; blue in the face – возбужденный, взволнованный).

Зеленый цвет в англоязычной картине мира выражает ревность и зависть. Наибольшее распространение получили фразеологические единицы с цветокомпонентом «green» (green with envy – позеленевший от зависти; green-eyed monster – ревность).

Фразеологизмы с компонентом «yellow» используются для описания человеческой неопытности, молодости. Также желтый цвет ассоцииру-

ется с трусостью (to have a yellow streak – быть трусливым, робким человеком; yellow-livered – трусливый; yellow-bellied – трусливый).

Мир наших ассоциаций и ощущений очень часто описывается с помощью имен, обозначающих естественные явления, фрукты, овощи, цветы, камни: *as green as a cucumber, a blushing violet, a black cap, to look blue, a blue talk, as red as a beetroot, black sheep*. Очевидным является то, что основой цветовых обозначений является метафорический или метонимический образ, основанный на определенных ассоциативных связях. Мир цвета, представленный в языке широким спектром лексико-синтаксических единиц, основывается на интерпретации информации, которая поступает к человеку через зрительный канал связи.

Из вышесказанного следует, что в основе интерпретации информации лежит определенная концептуальная система, которая выкладывается из элементарных цветовых ощущений, а также сложных многогранных понятий цвета. Цветовой образ, который строится языковыми способами, оказывает влияние на эмоциональную сферу человека, основанную на его способности вызывать у себя ощущение цвета и ассоциировать с ним испытываемые чувства и эмоции.

Мы считаем, что наше исследование вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологического направления изучения фразеологии, в частности вопросов, связанных с цветообозначением внутреннего и внешнего мира человека.

Прагматический аспект использования иронии в британском и американском политическом дискурсе

Празян Нарине Овиковна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Различные аспекты иронии неоднократно становились объектом изучения в работах российских и зарубежных исследователей в области философии, литературоведения, лингвистики, социологии, культурологии, психологии. В рамках науки о языке ирония исследуется с точки зрения лингвистологии, социолингвистики, психолингвистики, прагматологии. Многочисленные и разноплановые работы по проблеме иронии свидетельствуют не только о существовании сложившихся подходов в области изучения этого лингвистического явления различными отраслями гуманитарных наук, но и о сложности и многоаспектности предмета исследования.

Однако, несмотря на распространенность и долгую историю, феномен иронии до сих пор остается малоизученным. Иронию как часть парадигмы комического изучали эстетики и философы различных эпох, однако лингвистическая сторона этого явления долгое время оставалась за рамками их внимания. Несмотря на существующее многообразие определений термина в лингвистике, в целом ирония определяется как употребление слов в значении, отличном от буквального или противоположном ему. Понятие иронии предполагает намеренный контраст между мнимым и истинным, видимым и подразумеваемым значением.

Ирония широко используется во всех функциональных стилях и создается средствами всех языковых уровней – фонетическими, лексическими, морфологическими, семантическими, синтаксическими.

Самой распространенной и простой формой иронии является антифразис – употребление слова в значении, прямо противоположном буквальному. Однако ирония далеко не всегда выражает противоположный смысл, поскольку ее реальное содержание может быть гораздо более разнообразным, и зависит оно, в значительной степени, от более широкого контекста. Ввиду этой зависимости от контекста, ирония может быть адекватно интерпретирована лишь на уровне высказывания или текста. В политическом дискурсе иронический образ зачастую формируется на протяжении всей статьи, и каждое предложение привносит в него новый иронический оттенок.

В своей стилистической реализации ирония пользуется целым рядом форм, которые могут как локализоваться в отдельном слове, так и пронизывать все произведение в целом. Контраст между видимым и подразумеваемым может быть подчеркнут при помощи гиперболы, доводящей определенное явление до преувеличенных, с целью большей выразительности, размеров. Нередко ирония основывается на сравнении, омонимии, полисемии, паронимии, игре слов.

Характерной чертой иронии является отношение говорящего к собеседнику, к предмету разговора и др. Ирония может варьироваться по силе от мягкой комической иронии до едкого сарказма. Использование этого лингвистического приема позволяет говорящему выразить широкий спектр чувств и эмоций, не будучи при этом излишне категоричным и прямолинейным, что особенно характерно для людей, принадлежащих в англоязычной культуре. Именно поэтому ирония так широко используется не только в художественной литературе и публицистике, но и является неотъемлемой частью повседневного общения.

От других видов комического, таких как юмор, сатира, парадокс, пародия, сарказм, гротеск, ирония отличается противопоставлением плана содержания плану выражения и наличием прагматической цели. Ввиду диалогической природы иронии особую значимость приобретают отношения между автором, адресатом и предметом иронического высказывания. Исходной позицией большинства современных исследований является постулат о том, что в самой сути иронического общения заложена необходимость активного интеллектуального контакта его участников. Достигнет ли автор своей прагматической цели, зависит от того, дойдет ли исходный посыл до адресата. Неадекватная интерпретация иронического кода приводит к коммуникативным сбоям – ироническим неудачам.

Интересные наблюдения относительно иронии были сделаны Д.Н. Личем, который исследовал ее с прагматической точки зрения. Наряду с принципом Кооперации и принципом Вежливости, он ввел еще один принцип – принцип Иронии [Leech: 23].

Необходимо отметить, что при использовании иронии особое значение приобретает план выражения, поскольку зачастую именно просодия играет решающую роль в передаче подразумеваемого смысла и достижении автором своей прагматической цели. Именно особая ироническая интонация позволяет подчеркнуть имплицитный смысл, заложенный автором, и способствует адекватной интерпретации высказывания адресатом.

Еще одной важнейшей чертой иронии является сила эмоционального воздействия на адресата. В современном англоязычном политическом дискурсе ирония становится мощным инструментом формирования в сознании аудитории определенного образа того или иного политического деятеля, события или факта. Описывая политическую действительность в ироническом ключе, автор не просто доносит до читателя объективную информацию, но предлагает собственную модель восприятия политических реалий. При этом происходит вовлечение в процесс активной интерпретации читателя (или слушателя), который должен определить интенции автора настолько точно, насколько это возможно, учитывая особенности контекста и просодии. Только в этом случае будет достигнут иронический эффект высказывания.

1. Some Moscow analysts predict that Putin's next step – also in the name of fighting terrorism – will be to try to change the Russian Constitution with an eye toward extending his own term beyond 2008, or carve some other new, more powerful role for himself. (Newsweek, September 27th 2004)

2. The firing of a bullet into his damned and blasphemous head is an absolute necessity – and how cherished would that bullet's emissary be? Those

were the gentle words recently directed by one of Iran's leading editors, Hossein Shariatmadari, at an exiled Iranian television presenter, Manouchehr Fouladvand, who has had the cheek to mock aspects of Islam (The Economist, December 11th-17th 2004).

3. Whatever happens, a politically empowered genie is out of the bottle as Russia's Soviet-bred pensioners teach their juniors something about democracy. (Newsweek, January 31st 2005)

4. Last year, Britain's envoy to Kenya complained that corrupt ministers were "eating like gluttons" and "vomiting on the shoes" of foreign donors. This week he apologized. Sir Edward Clay said he was sorry for "the moderation" of his language, for underestimating the scale of the looting and for failing to speak out earlier. (The Economist, February 12th 2005)

5. The Kremlin loathes Georgia, once a cherished vassal with the special wrath reserved for wayward loved ones (The Economist, October 12th 2006).

Литература

Leech G.N. Principles of Pragmatics. Лондон, 1983. P. 23

Метафорические модели войны в англоязычном поэтическом и политическом видах дискурса

Рабкина Надежда Владимировна

Аспирант Кемеровского государственного университета, Кемерово

Многие метафорические модели, выделяемые в процессе анализа дискурса СМИ и политической речи, обнаруживаются и на материале поэтического дискурса, что свидетельствует о взаимопроникновении этих двух жанров. Современный англоязычный политический дискурс во многом формирует поэтический, так как последний зачастую является ответной реакцией на первый. Так, современная антивоенная поэзия сети Интернет – не что иное, как протест против политики США, выраженный в поэтической форме.

Дж. Лакофф, анализируя американскую прессу периода войны в Персидском заливе, выделяет два диаметрально противоположных способа концептуализации войны: война как преступление (WAR IS CRIME) и война как бизнес (WAR IS POLITICS PURSUED BY OTHER MEANS, POLITICS IS BUSINESS) [Lakoff]. Обе эти метафорические модели мы обнаруживаем на материале антивоенной поэзии резидентов сайта «Poets Against War», откуда взяты все приведенные ниже примеры.

WAR IS BUSINESS. Политики видят войну через призму экономической метафоры выгоды и издержек. Их действия кажутся направленными на мир, но на самом деле они только мешают его установлению:

«*How do we bury the thousands / When bureaucrats write ceasefires and shake hands?*» Они убеждают общественность в том, что война – не большая плата за благополучие в будущем: «*For a brighter future a little bombing is a small price to pay*». Общественность же в лице поэта уверена, что ничто не стоит таких жертв: «*No amount of political difference, / capitalist greed, / religious faith or zealousness, / is justification for destruction – / this concept runs through me*». Политики – поставщики смерти («*Purveyors of death, destruction and misery*»), распространяют ее по другим континентам («*allot death on other continents*») и способны получить выгоду буквально из камня («*Using sorcery to extract profit from stone*»). США «экспортируют» войну («*war machine*») создавая пространство войны в самых отдаленных странах («*We can export war and have peace here*»).

WAR IS CRIME. В современной антивоенной поэзии господствует тот взгляд, что это единственно верная метафора войны: военные действия – «*atrocities*», «*wrong-doings*», политики, развязывающие войны – «*assassins*», президент, допустивший войну – «*pirate and parasite*».

WAR IS MOVIE. В политическом и публицистическом дискурсах война часто сравнивается кино или театром. Поэты сети Интернет, соотнося увиденные в новостях ужасы войны со своим жизненным опытом, могут сравнить их только фильмами о войне, так как сама война в их опыте отсутствует («*like in the movies*»). Они описывают феномен войны в терминах кинематографа: «*Let's pretend that all our wars are movies, / epics really, ill-conceived and over-budget, / let's leave the ending open for a sequel*».

WAR IS GAME. Поиск в собственном жизненном опыте аналогов увиденному на телеэкране приводит к концептуализации войны в терминах игры: «*The sickening game of elimination, / is played on the field of war. / Men against men, race against race. / Death is the soul reward*». Как вариант – компьютерной игры: «*Electronic games of war, war of electronic games, / super bowl played in the desert of the Middle East*».

WAR IS MACHINE. В политической речи и дискурсе СМИ война часто сравнивается с механизмом, машиной. В военной поэзии Интернет находим: «*Engines of war move inexorably towards houses while citizens sit safe in other house*»; «*Our homespun junta exports the war machine*». Эта механистическая метафора, на наш взгляд, объясняется тем, что война в наше время уже не мыслится без сложных орудий убийства. Для поэзии Иракской войны характерно сильное влияние со стороны публицистического дискурса. Это заметно по частоте употреблений различных военных терминов, что типично для газетных статей, освещаю-

ших войну в Ираке. Можно выделить лексемы, обозначающие военную технику и транспортные средства (*helicopters, F 14, F-22s, F-117s, B 52s, B-2s, tanks, jets, armor-plated engines, bombers, bomb planes, stealth, armored assault vehicles, ships, flotillas*), огнестрельное оружие (*machine guns, mortars, Kalashnikovs, M-16*), боеприпасы и результаты их применения (*cluster / audio / pulse / smart bombs, torpedoes, cruise missiles, rocket, hand-grenade, bullets, cartridges, napalm shell, land mine, shrapnel, mortar, shells, flashing fireballs, scraps of shellfire iron*), ядерное оружие (*depleted / spent uranium, highly toxic, radioactive plutonium-239*), лучевое оружие (*lasers*), индивидуальные и массовые средства защиты (*bunker, protective body armor*), средства обнаружения противника (*X-ray specs, radar*), места базирования живой силы и техники (*headquarters, barracks, tarmac*), людей, принимающих участие в военных действиях (*soldiers, generals, Commander-in-chief, storm troopers, suicide bombers, sniper*), ситуации военных действий (*massacres, bombardments, battle, fight, driveby shooting*).

Особо подчеркивается:

1. Контраст между современным вооружением и «библейским пейзажем», на фоне которого разворачиваются военные действия (*Biblical landscape, Paradise*): *today's, computer-guided, miracle, perfect, faster than sound*;

2. Отсутствие непосредственной ответственности за убийство как результат развития военных технологий: *programmed, anonymous*;

3. Чужеродность, внешнее происхождение оружия: «programmed in Kansas, sent from a United State's plane all the way from Nebraska»;

4. Высокая стоимость: *multimillion dollar / billion dollar death machines*.

Современная военная поэзия не только использует те же метафорические модели, что и политическая речь и речь СМИ, но и выражает свое отношение к этим моделям. Война, по мнению резидентов сайта «Poets Against War», является преступлением. С точки зрения религиозной морали, здесь также возникает метафора греха – **WAR IS SIN**: «*Love for humanity is not a sin. / Preparing for war is*»; «*War is a battle one cannot win. Win or lose you are committing a sin*». Война – это разрушение, смерть и страх: «*Devastation, death, shock and awe, / the true meaning of that little word war*»; «*War: Furious sound, flames, bullets splattering soft bodies, / Rocket's red glare ending in screaming nothingness*». Войну нельзя рассматривать через призму какого-либо другого явления, такого, как политика или бизнес: «*War is war / Nothing more*».

Литература

Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf Peace // Research. 1991. № 23. P. 25–32.

Poets Against War. www.poetsagainstar.com

**Виды эвфемизмов
в английских общественно-политических текстах**

Рямова Гузель Мидхатовна

Студентка Сибайского института Башкирского государственного университета, Сибай

В каждом языке есть слова, употребление которых инстинктивно или намеренно избегают, так как они считаются неприятными, грубыми или невежливыми. Поэтому люди часто используют заменители таких единиц, называемые эвфемизмами.

Лексика, обслуживающая почти все сферы жизни подвергается эвфемизации, т. е. замене слова с негативной семантикой позитивным или нейтральным по смыслу. Традиционно такими сферами являются именно сферы общественного бытия – политика и социальная жизнь. Основная цель использования эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, – стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, а также вуалирование, камуфляж существа дела.

Далее мы предлагаем классификацию англоязычных эвфемизмов общественно-политического содержания по тематическим группам. За основу была принята классификация, предложенная Л.П. Крысиным в работе «Эвфемизмы в современной русской речи» [Крысин: 384–408].

1. Дипломатия. В эту группу относятся часто мелькающие на страницах печати и в эфире слова и обороты: *“to take extreme measures”*, *“principle of reciprocity”*, *“inoperative statements”*, *“miscommunication”* которые родились именно в дипломатическом речевом обиходе. Применительно к ситуациям, когда идет война, в том числе и локальная, в англоязычной прессе используются следующие эвфемизмы: *“pacification”*, *“peace enforcement operation”*, *“peacekeeping effort”*, *“prisoners”*, *“hostilities”*, *“scenario-dependent action”*, *“military operation”*, *“neutralization”*, *“destabilization”*, *“the tense atmosphere”*, *“the violence erupted”*, *“confrontation”*, *“peacemaking moves”*, *“soldiers of fortune”*, *“security contractors”*, *“dangerous situation”*.

2. Социальная экономика. В данную группу относятся слова, посвященные плану реализации различных социальных программ, описывающие социальный портрет людей, их место жительства и другие явления: *“reduction in force”*, *“downsizing, rightsizing”* – layoff; *“Concealment of Pentagon budgets”* – cuts costs; *“negative cash flow”* – in the red; *“revenue enhancement”* – tax hike; *“poor educated”*; *“poor housing”* – slums; *“fiscal restraint”* – cutting social welfare; *“responsible government”*; *“revenue enhancements”* – tax increases.

3. Репрессивные действия власти: “ethnic cleansing” – genocide; “transfer of population”; “rectification of frontiers”; “to clean out the suburbs”; “elimination of unreliable elements”.

4. Государственные и военные тайны и секреты. Большое количество слов и выражений данной тематики приобретают эвфемистические “облагораживающие свойства” в условиях контекста: например, выражение “sensitive goods” в качестве эвфемизма слова “explosives”.

5. Деятельность армии, разведки, полиции, ФБР, ЦРУ и некоторых других структур, действия которых не должны быть «на виду». В этой области весьма показательны в качестве “камуфлирующих” многочисленные наименования с первой частью: *special, classified, secret, covert*: “confidential data”, “classified information”; “special services of the NATO countries”; “covert action”, “covert operation”; “classified research”, “special investigation”; “secret organization”, “secret service”; “secret application”; “secret agent”, “undercover agent”, “intelligencer”; “special session”, “select committee”.

6. Смягчение различных видов дискриминации. Различают дискриминацию: возрастную: “elderly senior citizens”; национальную и этническую: “African American”, “Caucasian”; по социальному статусу: “in poverty” вместо “poor”; по физическим и умственным возможностям: “disability” вместо “handicap”, “person with a disability” или “individual with disability” вместо “disabled person”; “people who are deaf” или “young people with hearing impairments” вместо “deaf people”; “people who are blind” или “people with a visual impairment” вместо “blind people”; “mentally challenged” вместо “retarded”; по внешнему виду: “obese”, “husky”, “full figure”, “cuddly”, “huggable”, “zafig”, “rubenesque” вместо “fat”; “slim”, “slender”, “svelte” вместо “skinny”, “anorexic”, “academically challenged” вместо “stupid”.

7. Некоторые виды профессий и мест работы: “domestic engineer” – housewife; “auto recycler” – junkyard; “funeral director” – mortician; “memorial centre” – funeral home.

8. Существует много других эвфемизмов общественно-политического содержания, которые нельзя отнести к отдельным сферам социальной жизни: “complementary and alternative medicine” – disproved therapies; “rebates” – kickbacks; “associate” – employee; “standards of the kingdom” – worker's rules; “good visit” – empty talk; “privilege” – inconvenience; “unity” – conformity; “adult language” – obscene language; “independent thinker” – crazy; “a piece of misinformation” – “a bald-faced lie”; “freedom

fighter” – rebel; “wrong spirit” – difference of opinion; “recycling facility” – dump; “water waste management” – sewer system; “correctional facility” – jail; “Youth Development Center” – reform school; “chemical dependency”, “substance abuse” – alcohol/drug addiction; “innovative” – incomprehensible (artworks); “final resting place”; “efficient” – closet; “alien”, “newcomer” – foreigner (здесь необходимо отметить, что слово “foreigner” в англоязычной прессе имеет негативную окраску, т. е. звучит обидно, грубо, оскорбительно).

В последнее время в теории средств массовой коммуникации ведется активная разработка отдельных способов и степени эффективности воздействия СМИ на коммуниканта, создания определенных оценок при передаче информации. В газетных текстах общественно-политического характера воздействующая функция реализуется через использование речевых стратегий и речевых тактик. Интенциональная функция (интенция прикрытия предосудительных действий власти) сопряжена с социально-регулятивной прагматической функцией (задачей предупреждения либо снижения опасности обострения создавшейся ситуации социальной напряженности).

Таким образом, эвфемизмы в общественно-политической сфере английского языка подчинены цели завуалировать или намеренно исказить информацию о реальных событиях или фактах, воздействовать на общественное мнение и выразить что-либо неприятное более деликатным способом.

Литература

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Паршина О.Н. Стратегия и тактика речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004.

«Пастуший календарь» Э. Спенсера в контексте эпохи

Скурыгина Екатерина Владимировна

Соискатель, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

В годы правления английской королевы Елизаветы Тюдор (1558–1603), обращаются писатели и поэты к литературным произведениям античности в попытке не только подражать им, но и, по возможности, превзойти Гомера, Вергилия, Петрарку. Поэзия рассматривалась как имитация природы, а поэт был подобен божественному творцу. В основе жанровой системы, сформировавшейся в елизаветинскую эпоху, лежал пасторальный жанр, представленный пасторальными песнями, экологами, воспевающими простую деревенскую жизнь, а сельские жите-

ли, прежде всего пастухи и пастушки, ведут беседы любви, делят радости и печали пастушеской жизни [Abrams: 406].

Пасторальная поэзия восхваляла Елизавету, ставшую «королевой пастухов» в произведении Э. Спенсера «Пастуший календарь» (1579). Двенадцать стихотворных эклог, последовательно относящихся к 12 месяцам года, отличаются мифологическим содержанием и заключают в себе ряд живых описаний сельской природы: January, February, March и т.д. Несмотря на название, «Пастуший календарь» представлял интерес для исследования только с точки зрения толкования аллегорий, которые широко использовал Э. Спенсер, выражая протест против католичества [McLane]. Изданный в эпоху увлеченности новыми формами времяисчисления, «Пастуший календарь» может быть рассмотрен в контексте исторических событий, обусловивших его создание.

В основу «Пастушьего календаря» лег широко известный *Kalendrier des Berges*, альманах, описывающий занятия пастухов в разные месяцы года [Wart&Trent et al.: 16]. Ряд исследователей полагают, что построение произведения как календаря соответствовало пасторальному характеру эклог, в которых проводится аналогия между временами года и человеческой жизнью [Snyder: 20]. Однако в XVI в., став точкой пересечения политических и идеологических интересов, календарь как система счета промежутков времени, возможно, воспринимался жителями Англии как нечто менее обычное.

В 1577 г. предложение Папы Римского Григория XIII убрать десять дней из календаря для того, чтобы привести его в соответствие с обращением Земли вокруг солнца и, тем самым, установить точные даты такого важного церковного праздника, как Пасха, вызвало разногласия в протестантской Европе, из-за отказа многих протестантов подчиняться папским решениям. Несмотря на то, что в 1582 г. папская поправка была одобрена в Европе, получив название «грегорианской реформы», Англия приняла ее лишь 150 лет спустя [Alkon: 1–18].

«Пастуший календарь» был написан в тот год, когда Э. Спенсер стал секретарем архиепископа Янга, одного из основных противников грегорианской реформы. Такая работа позволяла Э. Спенсеру находиться в курсе обсуждений грегорианского календаря и планов, направленных на противостояние реформе.

В предисловии к «Пастушьему календарю», автором которого является Эдуард Керк («Е.К.»), оказывавший помощь в публикации произведения, говорится об отличии английского календаря от календарей других стран Европы. «Е.К.» отмечает выбор Э. Спенсером января в качестве первого

месяца года, поскольку в конце семидесятых годов XVI в. существовало две даты начала нового года: согласно английскому календарю год начинался 1 января, начало церковного года приходилось на 25 марта [Pollard: 184]. Может показаться, что, остановившись на январе, Э. Спенсер пытается привести «Пастуший календарь» в соответствие с католическим календарем, но «Е.К.» указывает на приверженность Э. Спенсера английской традиции начинать год именно в январе: “our Authour respecting nether the subtitle of thone parte, nor the antiquitie of thither, thinketh it fittest according to the simplicitie of commen understanding, to begin with Ianuarie” [Chapman: 8]. Календарь должен был объединить нацию и в заключительных строфах поэмы Э. Спенсер заявляет, что его календарь превосходит те, что были предложены реформаторами:

Loe I have made a Calender for euery yeare,
That steele in strength, and time in durance shall outweare:
And if I marked well the starres revolution,
It shall continewe till the worlds dissolution.
To teach the ruder shepheard how to feede his sheepe,
And from the falsers fraud his folded flocke to keepe.
Goe lyttle Calender, thou hast a free passeporte [Spenser].

Таким образом, «Пастуший календарь» можно рассматривать не только как произведение художественное, но и как носящее публицистический характер, поскольку Э. Спенсер стремится повлиять на общественное мнение, убедить читателя принять предлагаемую точку зрения на происходящее в стране. Э. Спенсер критикует грегорианскую реформу, показывая королеве и всей нации то, каким должен быть истинно английский календарь, направленный на сохранение особенностей английских традиции и веры.

Литература

- Alkon P.* Changing the Calendar // *ECLife* 7. 1982. P. 1–18.
Abrams M.H. The Norton Anthology of English Literature. 6th ed. New York, 1993. P. 406.
Chapman A. The Politics of Time in Edmund Spenser's English Calendar // *SEL Studies in English Literature 1500–1900*. Vol. 42. № 1. Winter 2002. P. 8.
McLane, Paul E. Spenser's Shepheardes Calender: A Study in Elizabethan Allegory. Notre Dame, IN: UNDP, 1961.
Pollard A.F. New Year's Day and Leap Year in English History // *English Historical Review* 55. April 1940. P. 184.
Snyder S. Pastoral Process: Spenser, Marvell, Milton. Stanford, 1998. P. 20.
Spenser E. The Shepheardes Calender 1579 / Transcribed by Risa S. Bear, University of Oregon, 1993 (<http://darkwing.uoregon.edu/~rbear/shepheard.html>).
Ward & Trent, et al. The Cambridge History of English and American Literature. New York: G.P. Putnam's Sons, 1907–19. New York: Bartleby.com, 2000. (www.bartleby.com/cambridge/).

Когезия и когерентность в британском медиадискурсе

Степанова Марина Ильинична

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В рамках лингвистической традиции дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, связанный текст в его динамическом аспекте, «передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации» [Менджеричкая:55].

Считается, что основной функцией СМИ является информативная, однако не вызывает сомнений, что пресса не ограничивается констатацией фактов и используется скорее как мощное средство манипулирования аудиторией. В прессе мы сталкиваемся с результатом речемыслительной активности журналиста, который, исходя из таких экстралингвистических предпосылок, как собственное отношение к происходящим событиям, идеологические установки издания, образ потенциального читателя, интерпретирует факты и создает тексты, потребляемыми публикой.

Тексты в печатных СМИ мы рассматриваем как «посредники» между автором и читателем, и отношение к СМИ как дискурсу помогает нам определить, на какой экстралингвистической основе произошло это посредничество, закрепленное лингвистически, и каковы были его цели. Под медиадискурсом в наиболее широком смысле мы понимаем «все процессы и продукты речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, взятые во всей полноте и сложности» [Добросклонская: 21].

Когезия (cohesion) и когерентность (coherence) – основные характеристики дискурса. Оба термина происходят от английского глагола to cohere, но различные производные прилагательные cohesive и coherent говорят о разных оттенках значения. *Когезия* – это лингвистические (грамматические, лексические, фонетические) средства, благодаря которым предложения в дискурсе соединяются в более крупные единицы на структурном уровне. *Когерентность* обозначает согласованность и логическую связанность на смысловом уровне. Можно выразить эту идею иначе: если дискурс «когерентен» (целен – «coherent»), он четко организован, имеет логическую последовательность идей и может быть легко понят реципиентом; если дискурс «когезивен» (связан – «cohesive»), его элементы (слова, предложения, параграфы и т. д.) хорошо структурированы и соединены вместе.

Самая известная классификация средств когезии была предложена М.А.К. Хэллidayем и Р. Хазаном в книге «Cohesion in English». Она разде-

ляет средства когезии на *грамматические* (референцию, эллипсис, субституцию и использование союзов), придающие тексту грамматическую структурированность, и *лексические* (повторы, частичные повторы, синонимы, перефразы, антонимы, использование коннотативных единиц), чаще всего служащие для целей усиления, эмфазы, работающие на определенные ключевые идеи текста. Осмелимся предположить, что логично выделить также и *фонетические* средства связанности (аллитерацию, ассонанс, паронимическую аттракцию), так как они выходят за узкие пределы конкретных слов и работают на смысловое единство и цельность всего текста.

И. Гальперин предполагает, что классификация средств когезии должна основываться на несколько других принципах: по его мнению, кроме грамматики и лексики, несущих функцию более конструктивную, надо учитывать, например, ассоциативные, образные, стилистические, ритмические параметры.

Х. Бастуркмэн приходит к выводу, что роль союзов и других грамматических средств когезии преувеличена, наиболее же важными оказываются сами когерентные связи, которые опознаются реципиентами даже при отсутствии средств когезии и отражаются в *отношениях между частями сложного предложения* <clause relations> (например, сравнение, контраст) и *макроструктурах* <macro patterns> (например, причина-следствие, инструмент – цель).

В данной работе проанализирована на конкретных примерах так называемая качественная и популярная британская пресса (The Times, The Guardian, The Daily Mirror, The Sun), которая была рассмотрена как вид дискурса; особое внимание было уделено когезии и когерентности как основным его характеристикам. Для анализа были выбраны статьи, посвященные одним и тем же темам (например, усыновлению Мадонной африканского мальчика), но заимствованные из разных изданий, что позволило наиболее ярко показать различия в стратегиях подачи информации.

Итогом работы стали следующие выводы. Во-первых, эллипсис и субституция практически не используются для связанности проанализированных статей, так как, видимо, они более характерны для устного регистра. Во-вторых, референция (e. g., orphan boy – he – him – his), синонимия (e. g., Madonna – celebrity – singer) и союзы (особенно уступительные – but, though) одинаково часто наблюдаются как в популярной, так и в качественной прессе. В-третьих, наиболее используемые макро структуры, обнаруженные нами, – это причина–следствие и общее–детали.

Главное же различие между качественной и популярной прессой заключается в том, что популярная пресса отмечена более творческим использованием языковых средств, особенно, частым обращением к коннотативным

единицам, объединенным ассоциативными связями, которые создают определенные образы и в зависимости от намерения автора навязывают определенные мнения, заставляют весь текст звучать более субъективно. Так, например, в статье из *The Daily Mirror* об усыновлении Мадонной ребенка по тексту разбросаны слова, несущие коннотацию быстроты, внезапности (“adoption must never be allowed on a whim”, “fast-track adoption”, “as if you can swoop into a country and take any child”), создающие ощущение того, что решение Мадонны об усыновлении было необдуманное и порывистым, более подходящим на причуду; в статье из *The Sun* употреблены выражения “the singer suffer a second blow”, “Madonna came under fire”, представляющие усыновление ребенка как борьбу, войну, которую не хочет проиграть Мадонна. В то время как в статьях из *The Times* и *The Guardian*, посвященных той же теме, используется более нейтральная лексика, а основными средствами связи являются грамматические.

Таким образом, стиль популярной прессы оказывается более эмоциональным, живым, экспрессивным, в то время как качественная пресса ограничивается более прямым и объективным способом подачи информации, что позволяет нам выделять эти два вида прессы как различные типы медиадискурса.

Литература

- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2005.
Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
Менджерцикая Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
Basturkmen H. Clause relations and macro patterns: cohesion, coherence and the writing of advanced ESOL students // English Teaching Forum. January 2002. P. 51–56.
Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

Социально-психологический вертикальный контекст романа

Г.Х. Манро (Саки) «The Unbearable Bassington»

Украинец Мария Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Понятие «вертикального контекста» охватывает очень широкую область филологических исследований. Этим термином принято обозначать «информацию историко-филологического характера, объективно заложенную в конкретном литературном произведении» [Гюббенет 1997: 50]. Как следует из определения, информация «вертикального» свойства не наблюдается в тексте в его непосредственной данности; ее наличие можно обнаружить, обращая внимание на цитаты и ал-

люзии, топонимы и антропонимы, иностранные вхождения, слова, обозначающие какие-либо реалии в тексте и т. д.

В вертикальном контексте литературного произведения можно условно выделить две стороны – информацию филологического (цитаты, аллюзии, *understatement*, употребление идиом и т. д.) [Гюббенет 1981: 5–21] и социально-исторического характера (реалии, топонимы, антропонимы и т. д.) [Гюббенет 1981: 82–127; Болдырева: 9–23]. При этом нужно сказать, что эти аспекты тесно взаимосвязаны. Для адекватной интерпретации многих литературных произведений, необходимо учитывать самые разные проявления вертикального контекста. Это особенно важно, когда в рассматриваемом художественном тексте отражена определенная историческая эпоха [Гюббенет 1991: 39–81].

Г.Х. Манро (Саки; 1870–1916) – автор, чье творчество было бы трудно оценить, не имея хотя бы поверхностного представления об основных тенденциях в истории Англии эпохи короля Эдуарда VII (1901–1910). Анализируя текст романа Саки «*The Unbearable Bassington*» (1912), можно прийти к выводу, что здесь читателю приходится расшифровывать вертикальный контекст особого рода – то, что И.В. Гюббенет назвала «социально-психологическим» вертикальным контекстом.

В творчестве Саки роман «*The Unbearable Bassington*» во многом представляется знаковым произведением. Некоторые языковые и содержательные характеристики этого текста (на уровне лексики и синтаксиса) напоминают более ранние работы писателя. Но, если, например, сравнить этот роман с рассказами Саки из сборника «*Reginald*», можно увидеть, что в «*The Unbearable Bassington*» трагические ноты в изображении эдуардианской Англии значительно усиливаются [Langguth: 191–207].

Текст романа проникнут духом эпохи (*Zeitgeist*), нравственно-интеллектуальным настроением времен короля Эдуарда VII [Hynes: 1–11]. При этом вертикальный контекст проявляется не столько в реалиях или типах характеров, сколько в том, как атмосфера эпохи определяет менталитет, умонастроение представителей высших классов в Англии предвоенного десятилетия. Можно было бы возразить, что то же самое наблюдается в большом количестве других произведений 1900-х и 1910-х гг. И все же, с точки зрения вертикального контекста, «*The Unbearable Bassington*» – текст во многом уникальный.

С одной стороны, в романе легко обнаружить единицы социально-исторического и филологического вертикального контекста (в его традиционном понимании). С другой, внимательный читатель может различить в тексте более высокий смысловой уровень: характер эпохи окрашивает мировосприятие героев в трагические тона. Дух времени находит отражение не только в ситуациях, в которых оказываются герои, но и в их словесных реакциях на происходящие

события. Кроме создания социально-исторического колорита, единицы вертикального контекста (цитаты, аллюзии, антропонимы, топонимы, реалии и т.д.) раскрывают умонастроения определенного сословия английского общества предвоенных лет. В романе передано ложное ощущение безопасности и спокойствия, которое испытывали люди аристократических кругов эдуардианского общества накануне национальной катастрофы.

Литература

- Болдырева Л.В.* Социально-исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы). М., 1997.
- Гюббенет И.В.* Вертикальный контекст: особенности его структуры и восприятия // *Folia Anglistica*. 1997. № 5.
- Гюббенет И.В.* К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
- Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М., 1991.
- Hynes, S.* The Edwardian Turn of Mind. London, 1968.
- Langguth A.J.* Saki: A Life of H.H. Munro. New York, 1982.

**К вопросу о внутренней неоднородности
газетно-публицистического стиля**

Хуринов Василий Владимирович

Преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В последние несколько десятилетий функциональная стилистика развивается очень активно; однако перед исследователем все еще стоят важные вопросы. Среди них самым существенным представляется описание стилей как внутренне неоднородных явлений, включающих в себя тексты, где наиболее частотные характеристики того или иного стиля проявлены в большей или меньшей степени. Другими словами, применительно к каждому функциональному стилю необходимо изучить вариативность в рамках инвариантности функциональных стилей.

В настоящей статье с данной точки зрения мы рассмотрим газетно-публицистический стиль, используя для анализа метод функционально-стилистического описания.

Мы предполагаем, что в рамках газетно-публицистического функционального стиля можно найти тексты по крайней мере 4 уровней. Нулевой уровень публицистических текстов, представляющий в наиболее явном виде онтологические, инвариантные признаки публицистического стиля, включают в себя тексты риторические. Первый уровень составят тексты неспециальные-неаргументированные, второй уровень – неспециальные-малоаргументированные или стилистически нейтральные, и третий уровень – специальные-аргу-

ментированные тексты (стилистически маркированные). Такого рода обозначения, по нашему мнению, в достаточно обобщенной и краткой форме отражает понятийное и языковое своеобразие каждого из выделенного уровней.

Детальный анализ обширного языкового материала показал, что в текстах нулевого уровня публицистического стиля (риторические тексты) отсутствуют специальные существительные, и содержится малое количество понятийно обусловленных существительных и прилагательных. Большую часть использованных существительных можно отнести к группе слов «общего языка», при этом отсутствует строгая соотнесенность существительных с определенной тематической сферой.

С точки зрения стилистической окрашенности, в тексте встречаются преимущественно «формальные» существительные, и отсутствуют существительные «сниженные». Незначительно количество и нейтральных существительных.

Наиболее часто встречаются эмоционально-оценочные прилагательные, которые распространяют понятийно-обусловленные существительные. Случаи употребления нейтральных прилагательных единичны. С другой стороны, также редки случаи употребления прилагательных в составе словосочетаний, характеризующихся глобальностью номинации.

Как и в случае с существительными и прилагательными, в текстах нет «терминологических» или «специальных» глаголов. Используются в основном «общезыковые» глаголы в нейтральном значении и маркированные глаголы, как «формальные», так и адгерентно коннотативные.

Интересны и словосочетания с глаголами, среди которых помимо простых моделей типа «глагол + дополнение» стоит отметить более сложные модели типа «глагол + предлог + дополнение + предлог + дополнение», а также глагольные конструкции с инфинитивом.

По результатам произведенного анализа текстов первого уровня (неспециальных-неаргументированных) мы можем говорить о несомненном их сходстве с текстами нулевого уровня. Так, большая часть существительных может быть отнесена к группе слов «общего языка». При этом некоторые из этих существительных являются все же в той или иной степени маркированными так как обладают определенными ингерентными коннотациями.

Тексты обоих уровней демонстрируют сходство и на уровне глаголов. Так, полностью отсутствует группа «специальных» глаголов. С точки зрения стилистической окрашенности, большинство использованных глаголов являются формальными. Как и в текстах риторических, часто используются глагольные конструкции с инфинитивом».

Вместе с тем необходимо отметить и различия между текстами двух уровней. В первую очередь это касается тематической неоднородности, которая присутствовала в текстах нулевого уровня в невыраженной форме, но более ярко проявилась в текстах первого уровня.

Также, хотя в обоих текстах большинство прилагательных являются эмоционально-оценочными, в текстах первого уровня некоторые из них начинают играть роль средства выражения родо-видовых отношений.

Мы можем видеть некоторые изменения и на глагольном уровне. Во-первых, снижается количество абсолютного употребления глагола. С другой же стороны, усиливается роль идиоматически-связанных выражений и фразовых глаголов, что свидетельствует об увеличивающейся роли функции общения.

Обратившись к текстам неспециальным-малоаргументированным, можно видеть, что количество нейтральных существительных крайне мало, на основании чего и был сделан вывод об инвариантности этой черты для публицистического стиля. В текстах использованы формальные существительные с единичными случаями использования «сниженных» или «разговорных» лексических единиц.

С текстами предыдущих уровней (в особенности «первого» уровня) тексты второго уровня сближают особенности употребленных прилагательных, большая часть которых является эмоционально-окрашенными и служат, тем самым, усилению маркированности текста. Также стоит обратить внимание на атрибутивные словосочетания, характеризующиеся глобальностью номинации и родо-видовыми отношениями. Они встречались в текстах «нулевого» и «первого» уровня и представлены несколько шире в текстах «второго» уровня.

Как и в ранее рассматриваемых текстах, в текстах второго уровня отсутствуют «специальные» и понятийно обусловленные глаголы, что может считаться инвариантной чертой газетно-публицистического стиля. Стоит отметить группу нейтральных, формальных и сниженных глаголов, поскольку использование всех трех групп в пределах одного текста отмечалось нами при анализе предыдущих уровней. Так же инвариантным можно считать частое использование различных устойчивых и фразеологически связанных выражений.

Наконец, третий уровень составляют специальные-аргументированные тексты. В них возрастает количество тематически обусловленных существительных, которые образуют достаточно большие семантически связанные группы. В целом можно отметить тенденцию к увеличению количества «специальных» существительных, наблюдаемую по мере отдаления текстов газетно-публицистического функционального стиля от реализации только функции воздействия.

На уровне прилагательных мы отметили единичные случаи использования специальных прилагательных, в том числе и использования многозначных прилагательных в специальном значении. Некоторые прилагательные образуют словосочетания, характеризующиеся глобальностью номинации. При этом даже специальные атрибутивные словосочетания часто оказываются распространены вторым, стилистически нейтральным прилагательным, что придает всему выражению оценочный характер. С другой стороны, в тексте широко представлен класс прилагательных с оценочно-эмоциональной составляющей значения.

Из вышесказанного следует, что, как любой другой функциональный стиль, газетно-публицистический стиль является внутренне неоднородным явлением. В нем можно выделить тексты четырех уровней, при этом по мере усиления роли функции сообщения, тексты приобретают более «специализированный» характер.